

Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917—1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е. Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 872 с.

Увесистый том «Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории» под редакцией Елены Дмитриевны Гальцовой продолжает исследование культурных связей советской России и Запада, которым научный коллектив ИМЛИ РАН занимается с 1990-х годов. Новая книга посвящена истории контактов двух миров в межвоенное двадцатилетие и предполагает изучение идеи автономии новой культуры в ее взаимосвязи с изоляционистскими тенденциями, анализ процессов институционализации тех или иных форм культурной жизни в советской России, а также стратегий подчинения культуры интересам правящей клики, государственному управлению литературной жизнью. Эти направления мысли объединяют разнородные статьи книги, оправдывая заявленный редакторами жанр коллективной монографии. Еще одна характеристика этой книги позволяет воспринимать ее как целое — стремление авторов не столько концептуализировать свой материал, сколько фиксировать живое многообразие явлений и процессов, «представить подвижное и напряженное поле», как об этом говорится в предисловии (с. 14). «Постижение Запада» в действительности не является единственным предметом их исследования; в равной, если не в большей мере постигается динамика и направление культурного развития советской России «глазами Запада». Однако название книги носит принципиально важный характер, поскольку в нем акцентированы переключки с западной культурой (с «Постижением Востока» П. Клоделя) и все еще большая значимость Серебряного века для культурной жизни первых лет советской власти.

Происходившее между войнами, с оглядкой на специфику русской истории — с 1917-го по 1941 год, — увидено с разных сторон не в последнюю очередь потому, что книга написана международным авторским коллективом: учеными из Москвы, Парижа, Нанси, Нижней Нормандии, Лилля, Варшавы, Минска. Сюжеты, разворачиваемые в ней, более или менее органично распределяются по четырем направлениям (им соответствуют четыре части книги): взаимодействие послереволюционной русской литературы (главным образом, литературного авангарда) с западной, включающее анализ издательской политики; театр и театральные практики в перспективе пересечения всяческих границ; история рефлексии по поводу актуальных для эпохи теоретических понятий; наконец, не столь тесно связанный с литературой раздел «Философия, культура, искусство».

В первой части подробно представлена деятельность В. Маяковского, Р. Роллана, А. Мальро, П. Маркова, И. Соколова и др. как посредников в процессе межкультурного взаимодействия советской России и Запада. При выраженном единстве тематики, подход авторов этой части к материалу очень разнится. Главы о Маяковском и о восприятии в советской России немецкого экспрессионизма, написанные В. Терехиной, строятся как изложение «ряда интересных фактов» (с. 31). Иначе подходят к своей задаче А. Чагин и С. Роле, авторы двух очень ярких, концептуально выстроенных разделов, первый из которых создает почву для компаративного исследования русского постфутуризма и европейских авангардных течений, а второй существенно уточняет характер деятельности издательства «Academia», отнюдь не столь независимого от официальной издательской политики, как часто считают.

Странное впечатление производит глава о путешествии в СССР Романа Роллана. М. Ариас-Вихиль, открывая раздел характерными для советских лет формулами (Горький — «рупор революционной России», с. 59, и проч.) и знакомыми по учебникам 1980-х годов пассажирами о романе «Жан-Кристоф», затем отходит от этой риторики, и Роман Роллан, как он подается в главе, оказывается вовсе не частью советского литературного канона, гуманистом и пацифистом, но неоднозначной фигурой, чьей заботой была главным образом его репутация и кто готов был скорректировать дневниковые записи, дабы не упасть в собственных глазах и глазах потомков. Поскольку это несовпадение не выводится в главе на поверхность, автор просто переходит от одной стратегии высказывания к другой, глава вызывает чувство голобокружения. Это впечатление до некоторой степени искупается подробно развернутой и очевидным образом страстно интересующей автора темой предназначения России.

Центральное место в первой части занимает масштабное исследование эстетических взглядов и деятельности по установлению межкультурных контактов с Россией Андре Мальро. Представленный Т. Балашовой материал позволяет лучше понять мотивы и характер интереса западных писателей к «новой Москве», а также динамику восприятия советской России французскими левыми интеллектуалами начиная с первых дней революции. Глава производит впечатление действительно значительного высказывания о писательской индивидуальности Мальро и о феномене политически ангажированного интеллектуала.

Вторую часть книги отличает большая степень целостности — отчасти благодаря более узкой тематике. Размышления о послереволюционных театральных практиках фокусируются вокруг вопросов театральной политики СССР в обозначенный период и образов «иностранный» / «иностранца» в советском театре. Большой интерес представляет написанная по результатам архивных разы-

сканий статья В. Симаник о стратегиях советского государства в области театральной политики, которые расцениваются как имперские стратегии по «осуществлению политического контроля над народностями» (с. 303). Тему роли театра в укреплении советской власти продолжает глава о театре агитпропа, в которой Л. Кемф анализирует образ иностранца в инсценировках и живых газетах в 1918–1927 годах.

Хотя вторая часть книги содержит весьма любопытную статью М.-К. Отан-Матье о духовных исканиях Михаила Чехова, главными героями большинства глав являются театр Мейерхольда и сам Мейерхольд. О. Купцова описывает деятельность в этом театре «театральных эмиссаров» Запада И. Аксенова, С. Третьякова и В. Парнаха; значительная часть статьи Е. Гальцовой посвящена детально описанной истории постановки в Вольной Мастерской Мейерхольда «Тиары века» П. Клоделя; о Мейерхольде как о несостоявшемся эмигранте рассказывает К. Амон-Сирежольс; спектакли Мейерхольда «Мистерия-Буфф», «Д. Е.», «Рычи, Китай!» дают основной материал для рассуждения о репрезентации «иностранный лица» в главе, написанной С. Поляковым.

Главы третьей части книги справедливо и предсказуемо концентрируются вокруг двух явлений теоретического плана: формального метода и социалистического реализма. Само столкновение их в пределах одной части дает пищу для размышлений о трагическом столкновении естественного, общего для европейской культуры движения эстетической мысли (именно в этом ключе формализм представлен в статье Е. Дмитриевой о восприятии в России Г. Вельфлина) с искусственным, политически выстроенным направлением развития советской литературы (истории введения в оборот формул «инженеры человеческих душ» и «социалистический реализм» посвящена статья М. Ариас-Вихиль). Еще один поворот мысли в рамках общего сюжета — выстраивание приемлемого с политической точки зрения канона и сопротивление ему — исследуется М. Нике, который анализирует конкретные случаи формирования литературного канона указаниями «сверху», Е. Гальцовой, показывающей пути, которыми некоторые критики 1930-х годов сохраняли в обороте хотя бы имена великих писателей Запада, Н. Харитоновой, рассматривающей стратегии продвижения идей РАППа на Запад в связи с историей Каталонской секции Международной организации революционных писателей.

Авторы четвертой части книги так или иначе работают с феноменом инокультурного восприятия, показывая, как виделась советская Россия французам П. Паскалю и А. Гильбо (О. Данилова, О. Слуцкая), а также взявшему на себя роль «свидетеля, аналитика» Г. Алексинскому (С. Роле). С другой стороны, А. Аккерман в главах об О. Домье и М. Бурк-Уайт рассказывает две разные истории апро-

приации западных художников советской критикой. Один из механизмов инокультурного восприятия описан Е. Дмитриевой, анализирующей ссылки на Шпенглера у О. Мандельштама: «...отторжение, влекущее за собой видимое “невнимание” к источнику, порождает в свою очередь парафраз. Но именно этот парафраз и оказывается творчески судьбоносным...» (с. 740).

Книга «Постижение Запада» вводит в научный оборот большое количество архивных материалов, в том числе иноязычных, — в этих случаях публикуется не только перевод, но и оригинал текста, что, безусловно, увеличивает значимость публикации. Издание включает письма Ромена Роллана 1928—1936 годов (публикация М. Ариас-Вихиль), письма французских писателей, пытающихся установить контакты с советской стороной (публикация Т. Балашовой), высказывания (статьи, материалы дискуссии) советских деятелей культуры 1920-х годов о немецком экспрессионизме (публикация В. Терехиной), переписку каталонского писателя Ф. Арместо с организаторами и участниками каталонской секции МОРП (публикация Н. Харитоновой), мемуарную прозу «русского француза» П. Паскаля (публикация О. Даниловой), воспоминания о культурной жизни Москвы А. Гильбо (публикация Л. Слуцкой). Особое место среди архивных публикаций занимает композиция под названием «Тиара века», составленная для театра Мейерхольда И. Аксеновым из переведенных им пьес П. Клоделя «Залог» и «Тяжелый хлеб». Публикаторы перевода (Е. Гальцова, О. Купцова, В. Нечаев) работали с четырьмя машинописными вариантами пьесы, театральная история которой включает и спектакль корифея символистского театра Люсье-По, и постановку Вольной Мастерской Мейерхольда.

Не вызывает ни малейшего сомнения грядущая высокая востребованность книги как ценного источника огромного материала по истории России, литературе межвоенного двадцатилетия, межкультурным взаимодействиям России и Запада.

Ольга ПОЛОВИНКИНА

Российский государственный гуманитарный университет